

Полковник Гуров

Николай Леонов
Гроссмейстер сыска

«Научная книга»

Леонов Н. И.

Гроссмейстер сыска / Н. И. Леонов — «Научная книга»,
— (Полковник Гуров)

ISBN 5-699-02449-2

Киллер нанес свой коронный удар – шилом в сонную артерию. Жертвой был помощник влиятельного думского депутата. Полковник Лев Гуров возглавил следственную группу. Уже несколько часов спустя был схвачен и признался в убийстве местный психопат и наркоман с уголовным прошлым. Дело закрыли, а Гурова отправили в отпуск. Но он-то знал, что настоящий убийца на свободе. И начал свое собственное расследование. Потому, что он лучший сыщик страны. И потому, что не может оставить преступника безнаказанным...

ISBN 5-699-02449-2

© Леонов Н. И.
© Научная книга

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Николай Леонов, Алексей Макеев

Гроссмейстер сыска

Глава 1

Последние капли дождя упали откуда-то из темноты прямо на головы Гурову и Крячко – как раз в тот момент, когда они выходили из машины. Стерев ладонью со лба холодные брызги, Гуров вполголоса выругался. Крячко, словно подначивая его, довольно хохотнул и заметил:

– Умылись утренней росой! Очень кстати, между прочим... Я, например, сегодня не умылся и даже зубов не чистил. Вообще только у тебя в машине проснулся. Было бы неплохо, если бы ты объяснил, куда мы приехали. Серьезно, я ничего не соображаю – вчера на ночь снотворного выпил...

– Знаю я твое снотворное, – проворчал Гуров, внимательно оглядываясь по сторонам.

Раскрытую настежь дверь одного из подъездов, откуда выпадала ровная желтая полоса электрического света, он заметил сразу. У крыльца стояли два автомобиля – вишневая «Лада» и милицейский «УАЗ» с синей полосой и «мигалкой» на крыше. Там же суетились какие-то люди, слышались негромкие голоса. Гуров направился туда.

– Нет, ты все-таки объясни мне... – Крячко поймал его на ходу за локоть. – Что мы делаем здесь в такую рань?

– Уже объяснял, – сказал Гуров. – Ты что, действительно спал?

– Говорю же, снотворное принял, – немного смущенно повторил Крячко. – Хотел выспаться как следует. Вот и выспался...

Гуров с интересом посмотрел на своего верного напарника и друга. Кажется, он сейчас не шутил. Оперуполномоченный по особо важным делам полковник Крячко был сейчас похож на добродушного дачника, поднятого с постели ни свет ни заря безжалостными приятелями – скажем, на рыбалку, до которой ему не было ровным счетом никакого дела, и он согласился идти только из-за своего добродушия.

На Крячко была какая-то заношенная ковбойка, впопыхах застегнутая не на ту пуговицу, брезентовая серая куртка и старые джинсы. Все это удивительно гармонировало с его простецким, слегка заспанным лицом, коренастой крепкой фигурой и невольно рисовало в воображении тот образ рыбака поневоле, который сам собой возник у Гурова в голове.

– Ты пуговицу на воротнике перестегни, – иронически посоветовал он. – И лицо сделай умное. На люди все-таки идем... А в такую рань я тебя не пожалел, потому что так захотел генерал. Он мне позвонил полчаса назад, велел забрать тебя и срочно ехать на место преступления.

– Так тут еще и преступление вдобавок! – сокрушенно вздохнул Крячко. – А я-то думал, мы просто так погуляем, воздухом подышим...

– Здесь сейчас следственная группа работает, – не поддержав шутки, деловито сказал Гуров. – Но генерал настоял, чтобы мы с тобой приняли непосредственное участие. Случай не слишком приятный.

– Узнаю Петра! – пробурчал Крячко. – Слишком приятный случай он, конечно, приберет для других... А что конкретно?

– Убили помощника депутата, – объяснил Гуров. – Государственной думы.

Крячко уничтожающе фыркнул.

– Подумаешь! – воскликнул он. – Тоже мне – событие! У этих депутатов помощников как собак нерезаных... Из-за чего такой шум, не понимаю...

– Депутат не рядовой, – сказал Гуров. – Кандинский – слышал про такого? Генерал опасается, что если мы не вмешаемся, то вот тогда-то действительно будет шум...

– Вона как... – покрутил головой Крячко. – Кандинский! Тогда все ясно. Этот может! Этот враз объяснит обществу, что коррумпированные органы правопорядка не в состоянии обеспечить элементарной безопасности наших граждан и в лучшем случае способны только констатировать, какой беспредел творится вокруг...

– Ну вот, наконец ты понял, – усмехнулся Гуров.

Они подошли к дверям подъезда. Мрачный милиционер с погонами младшего сержанта тут же выступил откуда-то из полумрака и преградил им путь.

– Вы куда, граждане? – строго сказал он. – Вы тут проживаете или ищите кого? – На выцветшую ковбойку Крячко он посмотрел с особенным подозрением.

Гуров достал из кармана элегантного пиджака удостоверение.

– Старший оперуполномоченный полковник Гуров, – сказал он. – Это мой напарник. Что у вас тут случилось?

Милиционер непроизвольно вытянулся по стойке смирно и отрапортовал:

– Убийство, товарищ полковник! Какого-то политика прямо в подъезде замочили! Мне приказано задерживать каждого, кто входит и выходит.

– Чутьочку потише! – попросил Гуров. – Мы не на утреннем разводе, сержант... На каком этаже убитый? Кто работает?

– Следователь... этот... из прокуратуры – Выприцких, кажется, его фамилия, – сказал сержант и уже увереннее добавил: – И капитан Туманов из МУРа. Еще кинологи только что приехали с собакой, но эта тварь след не берет. Дождик-то какой был – настоящий ливень!

– Ливень, это точно, – согласился Крячко, крутя шеей направо и налево. – Это я фильм когда-то давно видел... «И дождь смывает все следы» называется. Крутой детектив – прямо как у нас!

– Хорош трепаться, – сказал ему Гуров. – Пошли, поговорим с Тумановым. Так на каком этаже? – опять обернулся он к милиционеру.

– Не очень высоко, – заботливо сказал сержант. – Четвертый этаж. Лифт, конечно, не работает. Но все-таки не десятый...

– Это да! – согласился Гуров, шагая через порог.

Но ему тут же пришлось посторониться и отступить, потому что из раскрытой двери выметнулось что-то огромное, бесшумное и, как ему показалось, огнедышащее. Это была служебная овчарка, которую удерживал за поводок высокий жилистый парень с щегольскими усиками над верхней губой. Мельком взглянув на окружающих, молодой человек сердито сказал:

– Ищи, Буран! – И эта странная парочка, сбегав с крыльца, быстро растворилась во мраке.

Вслед за кинологом вышел крупный широколицый мужчина в помятом костюме. На ходу он закуривал папиросу, презрительно щуря правым глазом. Гуров сразу узнал его – капитан Туманов из МУРа. Он был известен тем, что, пожалуй, единственный из всех сотрудников этого грозного ведомства сохранил верность «Беломору» – остальные давно перешли на сигареты. Еще он обладал довольно строптивым характером и редким самомнением, которое обычно не совпадало с мнением начальства. Из-за этого Туманов чрезвычайно медленно двигался по служебной лестнице.

– А-а, полковник Гуров! – с непонятной интонацией сказал он, останавливаясь на крыльце и выпуская изо рта душливое облако табачного дыма. – И полковник Крячко здесь?.. Понятно! Дело приобретает широкий резонанс... Только зря вас подняли с постели. Глухой «висяк» – вот что это такое!

– Ты сегодня слишком пессимистично настроен, – озабоченно сказал Крячко. – Может, печень? У меня тоже так бывает, когда я на ночь переел помидоров...

– Да ладно! – махнул рукой Туманов. – Мне-то что! Раз вы здесь, значит, с меня это дело, скорее всего, снимут и вам передадут, верно? Значит, это вам самый резон в пессимизм впадать.

– Мы постараемся этого не делать, – заявил Гуров. – Может быть, не все так плохо...

– Как же не плохо? – снисходительно произнес Туманов. – Судите сами: свидетелей практически ни одного, собака след не берет, отпечатков, само собой, никаких...

Как бы в подтверждение его слов откуда-то сбоку послышался слабый скулеж, и в поле зрения опять возник кинолог с собакой. Ни на кого не глядя, он мрачно буркнул:

– Бесполезно! Только зря время теряем. Я сразу сказал: если Буран с первого разу след не взял, ловить нечего!

– Ладно, пойдете! – сказал Туманов, с сожалением делая последнюю глубокую затяжку и швыряя в темноту пылающую папиросу. – Самы посмотрите. Там сейчас эксперты суетятся. А Выприцких у соседки убитого показания снимает.

– Значит, все-таки были свидетели? – спросил Гуров.

Они втроем вошли в ярко освещенный подъезд. На каменных ступенях лестницы темнели мокрые отпечатки собачьих лап.

– Да какие свидетели! – скептически отозвался Туманов. – Якобы одна дамочка видела кого-то на лестнице... Через дверной глазок! Может, ей вообще приснилось. Странная больно дамочка-то...

Поднялись на четвертый этаж. Здесь было уже натоптано и тесно от скопления людей. Гуров узнал сотрудников из криминалистического отдела МУРа и молодого лейтенанта-оперативника. Еще двое в штатском были ему не знакомы.

На бетонном полу ничком лежал труп мужчины в дорогом темно-сером костюме. Руки безвольно раскинуты. Тыльная поверхность ладоней густо покрыта рыжеватыми волосками. Коротко стриженные волосы на голове также рыжего цвета. В свете неоновых ламп лицо погибшего казалось особенно бледным и напоминало маску, вылепленную из воска. Он потерял очень много крови – огромная темная лужа на бетонном полу, в которой он лежал, еще не полностью высохла.

Судя по всему, необходимые процедуры уже были закончены. Немного удивленный Гуров спросил:

– Почему не вызвали «Скорую»?

– Как раз вызвали, – ответил кто-то. – Какая-то заминка там. Да куда торопиться? Дело ясное – тело мертвое.

Невесело пошутил доктор – дежурный судмедэксперт, которого Гуров видел впервые. Однако, угадывая в Гурове важную персону, врач поспешил разъяснить некоторые подробности, указывая на неподвижное тело на полу:

– Смерть, как я предполагаю, наступила не более часа назад. Собственно, это совпадает с показаниями соседки, которая вызвала милицию. М-да... Погиб практически мгновенно. Убийца оказался, я бы сказал, настоящим виртуозом. Первоначальный осмотр обнаружил единственное проникающее ранение, оказавшееся, безусловно, смертельным.

– Его что же, зарезали? – с интересом спросил Крячко.

– Скорее, закололи, – ответил врач. – Удар шилом точно в сонную артерию, обильное кровотечение... Ну, сами понимаете...

– Вот это шило, Лев Иванович! – сказал эксперт-криминалист Тугуев, чернявый коротышка со жгучими бакенбардами, демонстрируя Гурову полиэтиленовый пакет с орудием убийства. – Шило шорное, длина около шести дюймов. Копье, а не шило! Таким слона заколоть можно. Варварское оружие, доложу я вам!

Гуров и Крячко переглянулись. Способ убийства был достаточно оригинальным, особенно учитывая социальную принадлежность убитого. Обычно людей, кормящихся около

политики, убивают более цивилизованно – с применением современных технических средств. Например, пистолета с глушителем, бомбы с магнитной присоской или автомобиля с тонированными стеклами. А здесь какое-то шило шорное – будто сцепились в трактире пьяные ремесленники.

– Ограбление? – деловито поинтересовался Гуров.

– Даже бумажник не тронули, – презрительно сказал Туманов. – Знаешь что, Лев Иванович, – пойдём я тебя к Выприцких отведу. Он в семьдесят восьмой квартире. С ним все и обсудишь. А я умываю руки...

Было заметно, что оперативник все-таки обижен тем, что дело решили доверить не ему, а Гурову.

Гурова мало трогали подобные сантименты. С непроницаемым лицом он отправился следом за Тумановым. Крячко, с которого уже окончательно слетело сонное оцепенение, составил им компанию.

Дверь семьдесят восьмой квартиры была открыта, в прихожей горел свет, впрочем, так же, как и в остальных помещениях. Резко пахло корвалолом. Гуров слегка поморщился.

Туманов провел их на кухню. Здесь, пристроившись за крохотным изящным столиком из лакированного дерева, сидел следователь Выприцких, высокий широкоплечий брюнет в затененных очках. На нем был черный костюм, и вид у него был самый зловещий.

В правой руке Выприцких держал авторучку, но судя по тому, что лист бумаги перед ним был девственно чист, допрос свидетеля еще и не начинался.

Свидетель, а вернее, свидетельница тоже была здесь. Пухлая растрепанная блондинка в кокетливом домашнем халатике с рюшечками. Она с видом умирающей сидела чуть в стороне, бессильно облокотившись спиной о стену и закатив глаза к потолку. Вокруг нее запах корвалола был особенно ощутим.

Рядом с хозяйкой квартиры, почтительно держа в руке форменную фуражку, словно в почетном карауле, стоял немолодой милиционер с погонами старшего лейтенанта – видимо, местный участковый – и с убитым видом наблюдал за женщиной. Наверное, он ожидал от нее каких-то новых фокусов.

Гуров поздоровался. Выприцких поднял глаза и чуть раздраженно произнес:

– Привет, Лев Иванович! Мне звонили, что ты должен подъехать... А-а, господин Крячко тоже здесь? Очень приятно!.. Значит, сесть вам не предлагаю – просто потому, что сесть здесь некуда. Если хотите, можем перейти в комнату – Евгения Александровна одна живет...

– Да ладно! – отмахнулся Гуров. – Давайте к делу.

– К делу! – пробурчал Выприцких. – У нас тут лазарет целый... И «Скорая», как назло, задерживается... Но, в общем, кое-что уже вырисовывается. Убит жилец семьдесят девятой квартиры, некто по фамилии Скок. Юрий Леонидович. Ничего себе фамилия, да?.. Обнаружила этот печальный факт около часа назад соседка Скока – Евгения Александровна. Она вызвала участкового, а тот, соответственно, бригаду из МУРа. Не в курсе, из-за чего разгорелся весь этот сыр-бор, но, когда стало ясно, что убитый имеет отношение к Кандинскому, всех подняли на ноги. Я вообще собирался в отпуск, ты представляешь? Уже билеты взял...

– Выбрал время, – сказал Гуров. – Дожди вон пошли...

– Куда я собирался, – веско сказал Выприцких, – там сухо. Но шут с ним. В основных чертах ты теперь все знаешь. Еще бы вот хозяйку разговорить, – он покосился в сторону несчастной блондинки. – А то ее все время в обморок шибает... А я в медицине не силен, знаешь, – особенно в женских болезнях...

– У тебя доктор здесь, – невозмутимо заметил Гуров, рассматривая блондинку, которая, несмотря на видимое плачевное состояние, сохраняла тем не менее завидный розовый цвет лица.

Евгения Александровна в свою очередь успела незаметно разглядеть прибывших, и, кажется, Гуров, элегантно одетый, уверенный, с красивой проседью в волосах, произвел на нее большое впечатление. Она оторвалась от стены и, застенчиво улыбнувшись, очаровательно-беспомощным жестом провела ладонью по напудренному лбу.

– Ах, не нужно доктора, – жалобно сказала она мелодичным голосом. – Кажется, мне уже лучше...

– Вот и чудненько! – воспрянул духом Выприцких. – Давайте-ка тогда быстренько выясним, что мы видели, Евгения Александровна, и больше ни мы не станем вас мучить, ни вы нас...

– Ах, я вас действительно, наверное, замучила! – кокетливо протянула хозяйка, бросая излишне жаркий взгляд на Гурова. – Но я так напугалась! Я была буквально в шоке, представляете?!

– Вы хорошо знали Скока? – спросил Выприцких.

– Насколько это возможно при нынешней безумной жизни, – загадочно ответила Евгения Александровна. – Да, наши квартиры напротив, но мы умудрялись почти не видеть друг друга. Я женщина одинокая, замкнутая... – последовал еще один страстный взгляд в сторону Гурова. – Подверженная разным комплексам. Я – интровертка, понимаете?

– Нельзя ли ближе к делу, Евгения Александровна? – терпеливо проговорил Выприцких. – Вы были знакомы с Юрием Леонидовичем Скоком?

– Да, мы были знакомы, здоровались, – подтвердила хозяйка. – Один раз Юрий Леонидович даже помог мне вернуть лампочку в ванной. Я, как видите, женщина миниатюрная, и мне далеко не все доступно в этом мире...

Выприцких мрачно сверкнул темными очками и жестяным голосом спросил, склоняясь над листом бумаги:

– Когда вы последний раз видели Скока живым?

Евгения Александровна покачнулась на стуле, словно намереваясь изобразить очередной приступ слабости, но бдительный участковый бережно подхватил ее под пухлый локоть, предупредительно заметив:

– Может быть, водички?..

– Ах, не надо! Не надо воды! – простонала женщина, бросая призывный взгляд на Гурова. – Я возьму себя в руки. Я видела Скока дня три... нет, неделю назад! Или две, точно не помню...

Гуров улыбнулся уголком губ. Выприцких поморщился и с досадой сказал:

– Нельзя ли поточнее, Евгения Александровна?

– Нет, поточнее нельзя, – с неожиданным упорством заявила хозяйка. – Потому что я абсолютно не помню, когда я его видела. Одним словом, давно. А вот мертвым я его видела сегодня. Это было час назад. Я позвонила в наше отделение – наверное, они там фиксируют точное время.

– В обязательном порядке! – вытягиваясь в струнку, сказал участковый.

– Значит, было около трех часов ночи, – констатировал Выприцких. – Вы не спали? Или вас разбудил какой-то шум?

– Ах, я не спала! – проникновенно сказала Евгения Александровна. – Я раскидывала карты таро... Потом я услышала голоса на лестничной клетке. Негромкие, но совсем рядом.

– Сколько человек говорили? – вмешался Гуров. – Голос Скока вы узнали?

– Ах, ничего я не узнала! – нежно пропела хозяйка, благодарно глядя на Гурова. – Говорили очень тихо, а я была в комнате. И еще шел дождь. Настоящий ливень! Потом, правда, я вышла и выглянула в глазок... Вы знаете, что этой ночью я уже выглядывала в глазок?

– Да-да, вы об этом говорили! – поспешно согласился Выприцких. – Кстати, расскажите нам, что вы в тот раз увидели.

– Это был ужасный тип! – округляя глаза, прошептала Евгения Александровна. – Какой-то совершенно отвратный молодой человек. Он стоял у лифта и курил одну сигарету за другой. Наверняка он и окурки там бросал! Был час ночи, все уже спали, и я, разумеется, не решилась выйти из квартиры, чтобы хорошенько его отчитать. Но он этого заслуживал. Ведь он, кажется, был еще и пьян! Я определенно почувствовала запах спиртного через дверь!

– Мы действительно нашли окурки около лифта, – пояснил Гуров Выприцких. – Экспертиза ими займется. А вы рассмотрели, как он выглядел, Евгения Александровна?

– О, просто ужасно! – женщина опять закатила глаза. – Такой худой, как все эти наркоманы... Еще на нем была какая-то грязная куртка с капюшоном.

– А его лицо?

– Лица я, конечно, не видела. Во-первых, он стоял далеко от моей двери – а многое ли можно рассмотреть в глазок? А во-вторых, я же говорю, на нем был капюшон.

– Значит, если бы вы его еще раз увидели, то не смогли бы опознать? – спросил Выприцких.

– Я узнаю его даже ночью! – горячо заверила Евгения Александровна. – Эта жуткая фигура до сих пор стоит у меня перед глазами!

– Фигура фигурой, – скептически заметил Туманов. – Но раз вы не видели его лица, о чем толковать? Конечно, вы его не узнаете! Тем более в ваш глазок ни черта не видно, я проверял. Лучше вспомните, сколько он тут стоял. Как долго вы за ним наблюдали?

– Я вовсе не наблюдала! – оскорбленно отозвалась Евгения Александровна. – Будто у меня только и дел, что торчать у дверного глазка! Я проявила естественное беспокойство, но больше к двери я не подходила. До тех пор, пока... – Она запнулась, и лицо ее сделалось растерянным и жалким.

– Понятно, – сказал Выприцких. – Вернемся к вашему соседу...

– Машину Скока уже проверили? – спросил Гуров.

Выприцких вопросительно уставился на него, а потом с некоторым сомнением произнес:

– Но около дома не было никакой машины. Мы предположили, что Скока кто-то подвез. Евгения Александровна, у вашего соседа есть машина?

– Конечно, есть, – ответила женщина. – Красивый зеленый лимузин. К сожалению, я не разбираюсь в марках машин. Но я часто видела, как Юрий Леонидович садился утром за руль.

– Гм, автомобиля у подъезда однозначно не было, – пробормотал следователь. – Возможно, он поставил его в гараж. Но учитывая поздний час... И потом, одежда на убитом почти не намочла. Если только гараж где-то в двух шагах... А вы не знаете, где Скок ставит машину?

– Ну откуда же? – протянула хозяйка. – Мы не настолько были близки, чтобы доверять друг другу такие подробности...

– Нужно опросить жильцов первого этажа, – заметил Гуров. – Может быть, кто-то слышал шум подъехавшей машины. Не пешком же он пришел в три часа ночи!

– Может быть, такси? – подал голос участковый, которому очень хотелось быть чем-то полезным.

У него было добродушное рыхлое лицо с чуть отвисшими щеками, нездоровый румянец которых выдавал тайную страсть участкового к горячительным напиткам.

– Значит, кто-то привез Скока домой, – сказал Гуров. – Или его автомобиль угнали. Возможно, сам убийца. Может быть, автомобиль и был целью нападения?

– Когда сталкиваешься с такими людьми, – многозначительно проговорил Выприцких, – мысль о банальном ограблении приходит в голову последней. Я уверен, что причиной нападения стала профессиональная деятельность убитого.

– А чем он вообще, этот Скок, занимался у Кандинского? – спросил Гуров.

Выприцких пожал плечами.

– Дьявол его знает! – с чувством сказал он. – Кроме удостоверения помощника депутата, выписанного на имя Скока, у меня нет никакой информации о нем. Но руководство меня заверило, что в самое ближайшее время Кандинский будет лично оповещен о случившемся и подключится к расследованию. Вот жду... – Он изобразил на лице покорность судьбе.

– Как? – восторженно прошептала Евгения Александровна. – Сюда приедет сам Кандинский?

– А вас это радует? – удивленно спросил Выприцких.

– Ах, это такой душка! – воскликнула хозяйка. – Он такой мужественный, такой импозантный! Я всегда смотрю, когда он выступает по телевизору!

– Сочувствую, – промямлил Выприцких, юмористически покосившись на Гурова. – Тогда вам просто повезло, что вашего соседа зарезали прямо у вашего порога. Есть шанс лично пообщаться с депутатом Кандинским!..

– А вообще, у нас тут в Жулебино спокойно! – охрипшим от волнения голосом неожиданно провозгласил участковый. – У меня на участке за этот год вообще только третье убийство...

Все уставились на него, а лейтенант густо покраснел и полез в карман за носовым платком, чтобы вытереть пот, обильно выступивший у него на лбу.

И в этот момент зазвонил мобильный телефон Выприцких.

Глава 2

– Вот за что я не люблю осень, – сказал Крячко, поднимая воротник своей невзрачной курточки и неодобрительно поглядывая на темное небо, откуда опять начинало капать, – так это за то, что постоянно идет дождь, а по ночам чертовски холодно. А в остальном она мне даже нравится.

– Очень глубокомысленное замечание, – согласился Гуров. – А зиму ты не любишь за то, что идет снег, а лето – за то, что стоит жара и так далее... Можно подумать, что ты передвигаешься по городу на своих двоих и мерзнешь на остановках, а не раскатываешь на собственном автомобиле!

– Сегодня нет, – с ухмылкой ответил Крячко, ныряя на переднее сиденье гуровского «Пежо». – Но вообще я говорю в принципе. Поэты вечно вздыхают: «Ах, осень-осень!» Я счел нужным внести некоторые уточнения.

– Ты выбрал на редкость удачное время, – констатировал Гуров, садясь за руль. – Лучше поделился бы своими мыслями об этом убийстве. Наверняка нарисовал уже какую-то версию – я угадал?

Следственные мероприятия на месте убийства уже закончились. Наконец-то прибыла «Скорая», и труп Скока был отправлен в морг. Евгения Александровна уже расписалась под протоколом, выпила еще полчашки корвалола и теперь, наверное, пыталась забыться спасительным сном, закрывшись на все замки. Следственная группа отбыла, закончив работу и собрав все более или менее ценное, обнаруженное на месте происшествия.

У Гурова, который все более входил во вкус нового расследования, возникло вполне понятное искушение проникнуть в квартиру убитого. Но отсутствие в карманах Скока ключей и постановления об обыске у следователя не дало осуществиться этим интересным планам. Квартира была опечатана, а Выприцких в утешение пообещал:

– Завтра же постановление будет, Лев Иванович, и обещаю, что без вас обыск начинать не буду. Но уж позвольте и мне рассчитывать на вашу пунктуальность – хотелось бы уже завтра ознакомиться с планом ваших розыскных мероприятий. Надеюсь, это возможно?

Гуров в ответ пробурчал нечто невразумительное, что при желании вполне можно было принять и за согласие, но тут же обратил внимание Выприцких на одно существенное обстоятельство.

– Послушайте, Выприцких, – сказал он. – Судя по всему, никто Скока грабить не собирався. Документы, бабки, кольца, кредитные карточки – все на месте. Однако ключей от квартиры не имеется. По-моему, это наводит на размышления.

– Не станете же вы уверять меня, будто преступник такой идиот, что, убив хозяина квартиры, даже не удосужился убрать труп с порога? – с некоторым высокомерием отозвался следователь. – Конечно, теоретически я допускаю, что убийца мог пробраться в квартиру... Но без санкции я в квартиру не войду и тебя не допущу, не надейся! В таких делах я безнадежный бюрократ, Гуров. Инициатива должна быть разумной. Я приключений на свою задницу искать не люблю – они ее сами найдут.

– А особые обстоятельства? – напомнил Гуров. – Это тебе не причина для инициативы?

– Нет-нет! – замахал руками Выприцких. – Был бы это кто другой, а то Кандинский! Не проси, не хочу даже слушать! В крайнем случае оставим здесь охрану. Там этот паренек, лейтенант с Петровки, – пускай здесь остается, чтобы служба медом не казалась. А утром его сменят, а там, глядишь, и постановление получим...

– Эх, Выприцких, своей принципиальностью ты мне песню портишь! – в сердцах сказал Гуров. – Гляди, локти потом кусать будешь!

Но следователь был неумолим. Может быть, на его осторожное решение повлиял тот самый телефонный звонок, которым дал о себе знать депутат Государственной думы Кандинский.

Разговор получился коротким, драматичным, но маловразумительным. Совершенно определенно можно было понять из него только одно – Кандинский на место преступления не придет. Никаких соображений о смерти своего помощника у депутата не было. Он даже туманно высказался в том смысле, что никакого помощника по фамилии Скок не может припомнить, и сгоряча пригрозил выдвинуть иск против прокуратуры за бесцеремонное вторжение в депутатскую деятельность. При этом Кандинский довольно подробно и толково выпросил все о самом преступлении, а потом, еще раз пригрозив обратиться к генеральному прокурору, не прощаясь, отключился.

По мнению Гурова, все это выглядело весьма абсурдно и неубедительно, но на следователя наскок депутата произвел большое впечатление. Он предпочитал придерживаться формулы «тише едешь – дальше будешь», и никакие доводы на него не действовали.

Поэтому Гурову пришлось ждать «завтра», которое, собственно, давно уже наступило – они с Крячко покинули дом последними, когда на часах уже было десять минут седьмого. На четвертом этаже остался скучать в одиночестве лейтенант Чистяков, которому поручили охранять опечатанную квартиру. Впрочем, сам он был не слишком расстроен этим поручением и, кажется, даже видел в нем романтическую сторону.

Совсем иначе чувствовал себя участковый, о котором под конец все благополучно забыли. С прежним сокрушенным видом он одиноко стоял на крыльце, вдыхая свежий, пахнущий влагой воздух, и наблюдал за тем, как оперативники усаживаются в машину. Заметив, что Гуров на него смотрит, старший лейтенант отдал ему честь – его форменная фуражка занимала теперь положенное ей место.

Крячко как раз собирался поделиться версией убийства, которая созрела у него в голове, но Гуров жестом остановил его и, опустив боковое стекло, окликнул участкового:

– Старший лейтенант, вас подбросить?

Милиционер немного замешкался, но потом почти вприпрыжку подбежал к автомобилю. Он казался растерянным и смущенным.

– Садитесь, – предложил Гуров, перегибаясь через сиденье и открывая заднюю дверцу.

Ему было неловко оставлять здесь этого немолодого и, видимо, не слишком удачливого человека, на которого свалилось и громкое убийство, и нашествие разного важного начальства, – Гуров несколько не сомневался, что старший лейтенант именно в таком качестве рассматривает его персону, и по этой причине он испытывал смутное чувство вины перед старым служакой, до которого никому не было дела.

Старший лейтенант осторожно втиснулся в салон «Пежо» и со вздохом опустился на сиденье.

– Куда вас? – спросил Гуров, выжимая сцепление.

Милиционер деликатно кашлянул и виноватым тоном признался:

– Да прямо сказать, не стоило мне и садиться, товарищ полковник! Отделение-то здесь совсем рядом – за углом... Я только на всякий случай – думал, может, у вас ко мне еще какие вопросы...

– Вопросы? – удивился Гуров. – Ну, не знаю. Вы давно здесь работаете? Скока знали?

– Шестой год, – ответил милиционер. – Моя фамилия Головки. Головки Денис Степанович. В районе, конечно, многих знаю, особенно которые неблагополучные... А про этого Скока, признаться, сегодня впервые услышал. Дом этот на хорошем счету. То есть народ тут спокойный, происшествия редко бывают. Где озоруют, там, конечно, почаще приходится бывать...

– А какие-нибудь соображения насчет убийства имеются? – поинтересовался Гуров. – Мог кто-то из местных такое учудить? Вот, например, тот жуткий молодой человек в капюшоне, о котором дамочка говорила, – он вам никого не напоминает?

– Да как сказать? – осторожно пробормотал Головко. – Сейчас ведь время такое – всякого отребья хватает! Но вообще, говорят, наше Жулебино по сравнению с Москвой...

– Ты нам тут рекламу Жулебину не делай! – бесцеремонно вмешался Крячко, подмигивая Гурову. – Ты конкретно – имеется на участке такой капюшон?

Головко поднял глаза и зашевелил губами, вспоминая.

– Нет, товарищ полковник! – сказал он наконец с сожалением. – Конкретного на этот счет ничего доложить не имею. Но подозреваю, что человек, которого соседка видела, мог быть чьим-нибудь хахалем.

– Хахалем? – не понял Гуров.

– Ну, из этих, из молодых! – махнул рукой участковый. – У них сейчас что на уме? Секс да наркотики! Помешались просто! Я их часто вижу, этих, в капюшонах – то Ванька к Маньке, то Манька к Ваньке... По моему скромному разумению, тут тоже такой случай. То есть, наверное, хахаль к какой-нибудь вертихвостке приходил, да дома не застал... Если прикажете, я это дело попробую проверить.

– Значит, не думаете, что это киллер жертву свою ожидал? – спросил Гуров, останавливая машину возле освещенного фасада местного отделения внутренних дел.

– Киллер? Нет, не думаю, – почтительно сказал Головко. – Тут ведь какое дело? По всему видно, что киллер – человек аккуратный. Следов не оставил, зарезал человека чисто, с одного удара... Не стал бы он на месте преступления сигарки смолить. Я так полагаю, он следом за жертвой пришел – или вместе с ним. В подъезде он не светился.

– А что? Похоже на правду, – задумчиво сказал Гуров. – Почему следователю свои соображения не изложили?

– Так это... – растерялся участковый. – Он не спрашивал. А я зачем со своими баснями лезть буду? Следователь, может, свою версию имеет... Люди с высшим образованием, не нам чета.

– У него сейчас одна версия, как бы под горячую руку не попасть! – засмеялся Крячко. – Он на свою версию сначала у начальства разрешения спросит...

– Кончай трепаться! – поморщился Гуров и благожелательным тоном опять обратился к участковому: – Знаете, ваша мысль мне понравилась. Было бы очень неплохо, если бы вы сумели выяснить, что за человека видела Евгения Александровна ночью на лестничной площадке. Возможно, он тут ни при чем. А возможно, он, в свою очередь, тоже что-нибудь видел... Как говорится, здесь ваша грядка, вам виднее... Если что-нибудь получится, будет просто великолепно. А нет – на нет и суда нет. Вот номер моего телефона. Разузнаете что-нибудь – звоните в любое время. Чувствую я, что теперь это моя забота надолго!

– Понял, товарищ полковник! Постараюсь оправдать, – сказал Головко и неуклюже выбрался из машины. Стоя на тротуаре, он еще раз отдал честь и торопливо направился к дверям отделения.

– Думаешь, он прав? – спросил Крячко, когда они отъехали. – Бывают такие совпадения? Подозрительный тип торчит на лестничной клетке, а через час на той же лестничной клетке убивают человека. И этот тип ни при чем?

– А я знаю? – резонно возразил Гуров. – Жизнь покажет. Ты сейчас куда – домой?

– Не вижу смысла, – сказал Крячко. – Ехать домой, чтобы сразу обратно? Так что я, пожалуй, еду с тобой! И экономия бензина налицо! И красавицу Марию увижу...

– Красавица Мария раньше десяти сегодня не встанет, – заметил Гуров. – У нее, кажется, вообще сегодня свободный от репетиций день. Так что спрячь подальше свои робкие мечты.

Самое большое, что ты сможешь увидеть у меня дома, – это кофейник и последнюю афишу великой актрисы. Устраивает?

Жена Гурова была ведущей актрисой одного из московских театров. Она обладала множеством талантов, и среди них был один, доставлявший Гурову немалое беспокойство – Мария Строева влюбляла в себя всех мужчин, попадавших на пути. Сослуживцы Гурова тоже не являлись исключением, а Станислав Крячко был вообще самым горячим ее поклонником – впрочем, совершенно бескорыстным.

Однако обещание Гурова, что Станислав ограничится сегодня только лицезрением афиши любимой актрисы, не оправдалось. Когда они вдвоем с Крячко добрались до квартиры Гурова, выяснилось, что тот, уходя, забыл в спешке ключи. Пришлось звонить.

Мария открыла не сразу. Даже застигнутая врасплох, она не позволяла себе появиться перед кем-то, не приведя себя в порядок. Так было и на этот раз. Когда дверь наконец распахнулась, приятели увидели Марию Строеву, можно сказать, во всем блеске, причесанную и свежую, точно она заранее знала, что ее разбудят в такую рань.

– Ба, знакомые все лица! – с иронией сказала она, разглядывая виноватые физиономии мужчин. – Вы решили устроить мне сюрприз?

– Просто я забыл дома ключи, дорогая, – покорно сказал Гуров. – Делай со мной, что хочешь!

– А голову ты не забыл? – грозно поинтересовалась Мария. – Помнится, такой вопрос задают уже в школе. Для такого великого сыщика это непростительная оплошность!

– От великого до смешного один шаг, – заключил Крячко, простодушно подмигивая. – Но следует помнить, что все великие отличались фантастической рассеянностью. Взять, например, старика Эйнштейна...

– Давайте оставим старика в покое, – предложила Мария. – Проходите и ведите себя тихо. Я намерена сегодня выспаться, несмотря на всю вашу бесцеремонность, господа менты! Вчера мой рабочий день закончился далеко за полночь...

– Мы только выпьем кофе, – успокоил ее Гуров. – И отчалим в управление. Боюсь, что наш со Стасом рабочий день окончится сегодня тоже далеко за полночь. В Жулебино убили помощника депутата. Подозреваю, что уже сейчас масса народу стоит на ушах. Нам осталось только присоединиться к этой массе.

– Убили помощника депутата? – переспросила Мария. – Не хочу показаться циничной, но не вижу в этом событии ничего сверхординарного. По-моему, такие убийства стали довольно обыденным явлением.

– Все это так, – согласился Гуров. – Но в данном случае есть некоторая особенность. Депутат этот не кто иной, как сам Кандинский. Он уже проявляет горячую заинтересованность, хотя, кажется, еще не решил, какую позицию ему занять. Впрочем, мы и сами пока не очень во всем этом разобрались. Думаю, в новостях ты услышишь более любопытные версии происшедшего. Репортеры пока не раскачались, но сейчас, наверное, уже наверстывают упущенное. Во всяком случае, лужи крови на лестничной площадке они еще успеют заснять...

– Господи, какой ужас! – вздохнула Мария. – Как это тяжело – каждый день слышать про лужи крови...

– Чертовски тяжело! – с энтузиазмом подхватил Крячко. – А видеть их воочию... Мне тоже не хочется показаться циником, но после этого разыгрывается такой аппетит! Тем более как подумаешь, что обедать сегодня, скорее всего, не придется...

– Клоуны... – печально констатировала Мария и отправилась досыпать.

Гуров с Крячко обосновались на кухне и, стараясь не шуметь, приготовили себе мужской завтрак – кофе и яичницу с ветчиной. Расправившись с ней в мгновение ока, они запили ее огненным кофе и осторожно покинули квартиру. На этот раз Гуров оплошности с ключами не повторил, но, как показалось Крячко, выглядел чересчур отстраненным и погруженным в себя.

– О чем ваше превосходительство так сосредоточенно мыслит? – спросил Стас, когда они уселись в «Пежо» Гурова.

– Я думаю о красивом зеленом лимузине господина Скока. – отозвался тот. – И о том, где эта красивая машина сейчас.

Глава 3

В своих предположениях насчет народа, стоящего на ушах, Гуров почти не ошибся. Едва они с Крячко заявили в главк, как их тут же потребовал к себе генерал.

– Что за черт, опять твои штучки с телефоном, Гуров? – встретил их генерал Орлов. – Звоню тебе на мобильник – молчание. На домашний – отвечает какой-то идиотский автоответчик! Опять оставил трубку в машине?

– Никак нет, – спокойно ответил Гуров, хлопая себя по пиджаку. – Все свое ношу с собой. Должно быть, как-то ненароком отключился. За карман зацепился, наверное. А в чем дело, Петр Николаевич? Мы вроде на работу не опоздали, хотя и бродили по ночам как лешие, когда все нормальные люди спят сном праведников...

– Давно в праведники записались? – ехидно поинтересовался генерал. – Вообще похожи... Стас особенно. На толстовца какого-то похож, а не на полковника МВД. Когда у тебя вид наконец соответствующий будет, а, Станислав? Перед людьми неудобно. Тут сам Кандинский должен вот-вот нагрязнеть, а ты как бродяга какой-то!

– Так спешил, – покаянно произнес Крячко. – Нацепил что попало. Хорошо вообще не в трусах ушел. Лева свидетель – только в машине проснулся. Снотворное на ночь выпил – выспаться хотел по-человечески.

– Ладно, у тебя сроду тысяча причин! – махнул рукой Орлов. – Докладывайте, что надывали. Мне общую картину знать надо. От Кандинского чего хочешь ожидать можно.

– Что за птица, в конце концов, этот Кандинский? – недовольно сказал Гуров. – Почему при его имени все слегка вздрагивают? У меня сегодня Мария об этом спросила. Вот и я задумался – неужели страшнее Кандинского и зверя нет?

– Зверей у нас хватает, – сказал генерал. – Сам небось в курсе. А этот зверь особенный, как ни крути. Думаешь, почему он так громогласно кроет всех направо и налево, ни правительства не щадит, ни президента? Деньги и влияние. Он в комитете по природным ресурсам не последняя скрипка, говорят. От него большие дела зависят. Ну и себя он, конечно, не обижает. Вдобавок тонкую игру ведет. По слухам, он собирается руку к выборам губернаторов трех областей приложить. А там, глядишь, и на президентские замахнется.

– Ну уж это ему кто позволит? – усомнился Крячко.

– Не скажи, – возразил Орлов. – Здесь все от интриги зависит. В Кремле сколько башен, знаешь?

– Как отче наш, – заявил Крячко. – Много башен.

– То-то, что много, – назидательно сказал генерал. – И у каждой башни свое мнение, улавливаешь? Это он только издали такой... монолитный.

– Одним словом, хороший человек, – заключил Крячко, демонстративно выкладывая на генеральский стол пачку сигарет.

– Вот именно, хороший, – с неопределенной интонацией проговорил Орлов и протянул руку к пачке. – Угощаешь? А то я свои дома забыл.

– Закуривайте, ваше превосходительство! – по-простецки объявил Крячко. – Мы все сегодня какие-то несобранные. Я фрак забыл надеть, Гуров дома ключи оставил, а генерал Орлов такую важную деталь формы, как сигареты... Заодно и я подымлю, если руководство не возражает.

Между генералом и двумя самыми опытными в главке оперативниками давно установились далеко не формальные отношения. Орлов сам переманил их в главк несколько лет назад и никогда не жалел об этом. Общая судьба сдружила их, и теперь Орлов просто не представлял своего ведомства без этой парочки, несмотря на проблемы, которые она порой доставляла.

Поэтому Крячко и позволял себе так мало заботиться о своем внешнем виде, а в присутствии генерала не отказывался от своих бесконечных шуточек, которые, по мнению Гурова, долго мог выдержать только абсолютно глухой человек.

Неодобрительно посмотрев на клубы табачного дыма, тут же нарисовавшиеся над сверкающим полированным столом, Гуров покачал головой и поспешил перевести разговор в соответствующее моменту официальное русло.

– Итак, докладываю, – сказал он сухо. – С материалами экспертизы и выводами следователя мы, естественно, пока не ознакомлены, так что излагаю только собственные наблюдения и показания свидетельницы, которая жила по соседству с убитым – Скоком Юрием Леонидовичем.

По ее словам, этой ночью она не спала, раскладывала пасьянсы или гадала, бог ее знает... Женщина она нервная и, насколько я понимаю, любознательная – так что время от времени она выглядывала в дверной глазок и наблюдала, что творится за дверью. Опять же по ее словам, первый раз она выглянула в час ночи. Возле лифта стоял незнакомый молодой человек в куртке с капюшоном и курил. Поскольку больше ничего предосудительного он не делал, свидетельница успокоилась и вернулась к своим занятиям. Вплоть до того момента, как вернулся домой Скок. То есть соседка сначала слышала тихие голоса на лестнице, которые не смогла идентифицировать. Тогда она опять заглянула в глазок. На этот раз ее взору представился труп. Она сразу позвонила в милицию. Было около трех часов ночи.

– Что же она – через глазок смерть констатировала? – иронически спросил Орлов.

– Ты меня понял, Петр, – хладнокровно ответил Гуров. – Чтобы вызвать милицию, ей не нужно было констатировать смерть. Достаточно было увидеть знакомую фигуру, неподвижно лежащую на полу в луже крови. Прибывшая в конце концов следственная бригада, в частности судмедэксперт, факт смерти подтвердила. Последняя наступила мгновенно, вследствие колотой раны в область шеи. Если конкретно – Скок был убит ударом шила в сонную артерию. Я видел орудие убийства – убийца оставил его в теле жертвы. Практически это настоящий стилет. Кровопотеря огромная. Никаких следов борьбы, никаких оторванных пуговиц и, по видимому, никаких отпечатков пальцев.

– Ишь ты, какой умелец! – покачал головой генерал. – Шилом! С одного удара – и наповал! Надо поднять архивы – имеется у нас такой артист? Я что-то вроде припоминаю...

– Были любители поорудовать скорняжным инструментом! – согласно кивнул Крячко. – Я сам двух таких брал. Только, доложу вам, эти парни виртуозностью совсем не могли похвастаться. Ковырялись они шилом на любительском уровне – а с такой точностью мог действовать только профессионал.

– Где это ты видел профессионального киллера, пользующегося шилом? – поинтересовался Гуров. – Мне такие не попадались. Хотя совсем исключить применение холодного оружия при заказном убийстве, конечно, нельзя. Просто такие случаи достаточно редки. Не очень надежный способ.

– Ну вот видишь, – сказал Крячко. – Почему бы не предположить существования некоего наемного убийцы, который сутками упражняется в искусстве владения шилом? Достигнув определенного уровня, он решает применить свое умение на практике...

– Посерьезнее, ребята! – строго сказал Орлов. – Чувствую я, скоро нам всем будет не до смеха... Давай дальше, Лева!

– Ну что дальше? Однозначно можно сказать – вряд ли убийство было совершено с целью ограбления. Ничего не пропало – ни документы, ни бумажник, ни кредитные карточки. Золотые украшения с трупа также не снимали. Исчезли предположительно только ключи от квартиры, и остается открытым вопрос, куда делся автомобиль убитого. Дело в том, что добраться до дома в ту ночь он мог только на машине. Одежда на нем почти сухая, а дождь шел ого какой! Соседи с первого этажа подтверждают, что около трех часов ночи у подъезда останавливалась

машина, хлопали дверцы, но вроде бы машина сразу уехала. Выходит, Скока кто-то подвез? Но соседка говорила, что он постоянно ездит на красивой зеленой иномарке. Почему вчера он не был за рулем?

– А может, он элементарно был подшофе? – возразил Орлов. – Откуда он приперся в три часа ночи? Не с заседания же Государственной думы!

– Я уже думал об этом, – сказал Гуров. – Тут есть одно не очень существенное возражение. Что-то не замечал я, чтобы граждане в последнее время стеснялись садиться за руль в пьяном виде, а помощники депутатов в особенности... Нужно обязательно выяснить, где находится автомобиль погибшего. Тем более не исключено, что автомобилем воспользовался убийца.

– Вот пускай твой дружок этим и займется, – кивнул генерал в сторону Крячко. – А ты вот что мне скажи – а ну как ключи от квартиры и были целью преступника?

– Тоже сомнительно, – покачал головой Гуров. – Насчет этого Выприцких верно заметил – какой смысл завладеть ключом от квартиры, рядом с которой лежит окровавленный труп? Нелогично. На всякий случай возле квартиры мы оставили охрану, но вероятность, что преступник находится там или вернется, – почти нулевая.

– То есть вы не осмотрели квартиру убитого? – прищурился Орлов.

Гуров пожал плечами.

– Был бы я один, никаких проблем, – сказал он. – Без ведома руководства, так сказать, рискуя лампасами... Но так ведь там народу было невпроворот! А следствием руководит, сам знаешь, следователь. А он наотрез отказался проникать в квартиру без постановления прокуратуры. Вот так и работаем...

– Гм, ну ладно, – пробормотал Орлов, потирая ладонью лоб. – Только вот будет хохма, если преступник все это время находился в квартире убитого!

– Выприцких уже сегодня обещал все наверстать, – сообщил Гуров. – Будем надеяться, что преступник не законченный безумец. Вообще, это дело требует, чтобы у нас, по крайней мере, был минимум достоверной информации о деятельности покойного – как коммерческой, так и политической. Без показаний Кандинского здесь не обойтись. Но с первого раза он повел себя довольно странно. Кажется, он не хочет признавать Скока своим помощником.

– Куда он денется, – заявил генерал. – Связь Скока с Кандинским подтверждается многочисленными фактами – я уже наводил справки.

– На вас на всех действует магия политических заморочек, – заявил вдруг Крячко. – А почему не предположить, что Скока прикончили на почве запутанной личной жизни? Вполне реальный вариант – парень холостой, судя по всему, не слишком аскетических привычек...

– Все может быть, – отрезал генерал. – Вплоть до того, что Скока убили по ошибке или из хулиганских побуждений. Но реальным мне представляется как раз политический вариант. Замешенный на деньгах, конечно, – потому что сегодня одно без другого не бывает. – Он опять обернулся к Гурову. – А что насчет того парня, кутившего на лестничной клетке?

– Он, скорее всего, здесь ни при чем, – сказал Гуров. – Хотя всякое может быть. Но он-то как раз оставил там кучу следов – одних окурков эксперты набрали целый мешок. Если он числится в наших сводках, найти его будет не слишком трудно.

– Понятно, – кивнул генерал. – Однако слишком пренебрежительно к этой версии относиться не стоит. Преступник пошел странный, нетипичный... Может, у него была личная неприязнь к господину Скоку? Вообще, надо хорошенько покопаться в прошлом этого помощника... – Орлов посмотрел на часы. – Что-то наш депутат задерживается... Я ожидал от него большей пунктуальности. Мне лично звонил министр и сообщил, что не позже восьми тридцати Кандинский будет у меня. В конце концов, он тоже должен быть заинтересован в скорейшем выяснении истины. Представляю, какой шум поднимут газетчики!

На столе генерала мелодичной трелью разразился телефонный аппарат. Орлов вскинул брови и мгновенно снял трубку.

– Генерал Орлов слушает! – командирским голосом рявкнул он, но тут же осекся и сдвинул брови на переносице.

Оперативники наблюдали, как темнеет лицо генерала и багровеет его шея – по-видимому, разговор был не из приятных. Собственно, это и разговором назвать было трудно. Орлов по большей части молчал и только пару раз мрачно вставил: «Слушаюсь!» После того как он произнес это слово в очередной раз, он положил трубку на рычаг и озабоченно уставился на Гурова.

– До чего не люблю я, брат, политиков! – признался он неожиданно жалобным тоном. – Никогда у них без заморочек не обходится – Стас правильно сказал. Ну что вы хотите – Кандинский не может прибыть, потому что занят государственными делами. А меня вызывает министр для серьезного разговора. Настаивает, чтобы я нарисовал ему детальный план розыскных мероприятий и сообщил сроки. Предчувствую, что ни то и ни другое его, как обычно, не удовлетворит. Эх, а еще поют: «Как хорошо быть генералом!»...

– Не заговаривай зубы, Петр Николаевич! – завистливым тоном сказал Крячко. – Правильно поют. Я бы, например, хоть сегодня записался в генералы...

– Генералов в ковбойках не бывает! – беспощадно заявил Орлов. – Странно, что тебя еще в полковниках держат. Наверно, тут и моя вина есть... – Он не слишком весело улыбнулся и поднялся из-за стола. – В общем, давайте, други, начинайте действовать! К завтраму должны быть какие-то реальные результаты. Ты, Стас, как договорились, – возьми на себя машину Скока, а ты, Лева, связывайся с Выприцких и принимайтесь за самого Скока! Скок! Вот дал бог фамилию!.. – Недоуменно покачивая головой, генерал направился к выходу.

Поспешно вскочив, оперативники двинулись за ним следом.

Глава 4

Заморочки на этом не закончились. Отправив Крячко разбираться с транспортными проблемами покойного Скока, Гуров позвонил в прокуратуру и попросил позвать к телефону Выприцких. Того очень долго искали, и это сразу не понравилось Гурову.

Когда же трубку наконец взял сам Выприцких, Гурову пришлось порядком удивиться.

– Лев Иванович? – каким-то странным, совсем не деловым тоном спросил следователь. – Приветствую! Ты по какому вопросу?

– Приехали! – сердито сказал Гуров. – Это называется – начали во здравие, кончили за упокой! Что значит – по какому вопросу? Вроде недавно расстались – четырех часов не прошло...

– Так ты про дело Скока? – фальшиво удивился Выприцких. – Так это... Извини, это теперь не ко мне. Тут все переиграли, понимаешь? Я сейчас дела сдаю, поэтому меня так долго и искали.

– Не понял! – сказал Гуров. – С какого это рожна ты вдруг дела сдаешь?

– В отпуск ухожу, – не скрывая радости, сообщил следователь. – Я вроде тебе говорил?

– Нет, постой! Какой, к черту, отпуск? Ты мне обещал, что сегодня у тебя будет постановление на обыск. А теперь у тебя отпуск. Как прикажешь это понимать?

– Да что ты кипятишься? – удивился Выприцких. – Право граждан на отдых закреплено в конституции. Надеюсь, ты не собираешься пересматривать конституцию?

– Слушай, Выприцких, давай не будем размазывать кашу по тарелке! – раздраженно сказал Гуров. – Нас с тобой должен интересовать Уголовный кодекс, а конституция – это не наша грядка. Тебе что – руководство порекомендовало так срочно уйти в отпуск?

– Что за фантазии, Гуров! – воскликнул следователь. – Я же тебе говорил, что у меня уже билеты в кармане. Никакого форсмажора, все по закону. А почему тебя это так волнует?

– Да, знаешь, когда дело начинают перекидывать от одного следователя к другому, это всегда настораживает. Выходит, никакого постановления на обыск ты не получил?

– Это ты теперь обращайся к моему сменщику. Миронов Игорь Данилович – знаешь такого? Ну ничего, познакомись. Только сегодня вряд ли получится – нам со своими проблемами не разобраться. Но я его введу в курс дела. Завтра прямо с утра обращайся к нему. Игорь Данилович, запомнил?

– Мне это не очень-то нравится, – заявил Гуров.

– Это надо понимать как завуалированный комплимент? – засмеялся Выприцких. – Спасибо. Но не могу сказать, что разделяю твои чувства, Гуров. Погляди в окно – кажется, дождь опять собирается?

– Черт с ним! – грубо сказал Гуров. – Ты мне лучше вот на какой вопрос ответь – ты начальству сам про свой отпуск напомнил или это оно инициативу проявило?

– Все ты какие-то интриги ищешь, Гуров, – с легкой досадой сказал Выприцких. – Ну, скажем, начальство вовремя вспомнило, что у меня заявление на отпуск лежит. Что это меняет?

– Доброе у тебя начальство, – ответил Гуров и положил трубку.

Такие дела были ему знакомы. Когда наверху не были заинтересованы в скорейшем раскрытии преступления, первым делом меняли следователя. Сейчас это могло быть простым совпадением – все-таки не зря Выприцких еще вчера рассказывал ему про купленные заранее билеты, – но такое совпадение не могло не настораживать.

Раздосадованный, Гуров посмотрел на часы. Рабочий день только начинался, а ситуация складывалась, что называется, суши весла. Депутат Кандинский по-прежнему оставался существом скорее виртуальным, наблюдать которое можно было только на экране телевизора. Сле-

дователь внезапно превратился в некую мнимую величину. Собственное начальство оставило Гурова без мудрых указаний на неопределенное время. Крячко вернется не скоро.

Гуров опять потянулся к телефону. Но прежде чем его пальцы коснулись аппарата, послышался осторожный стук в дверь. Гуров обернулся и увидел, что в приоткрытую дверь заглядывает молодой человек в форме.

– Разрешите, товарищ полковник? – почтительно спросил он, и Гуров наконец сообразил, что перед ним лейтенант Чистяков, который сегодняшней ночью был у квартиры Скока и остался там в качестве охраны.

Гуров махнул рукой, предлагая лейтенанту заходить. Тот не слишком уверенно подошел к столу и остановился, переминаясь с ноги на ногу.

– Что теперь стоишь, как неродной? – грубовато поинтересовался Гуров. – Садись, лейтенант, – в ногах правды нет. И выкладывай, зачем пришел, не жеманься! Догадываюсь, что ты не доброго утра пришел мне пожелать.

– Нет, – сказал лейтенант Чистяков, присаживаясь на край стула, и тут же смутился, сообразив, что его «нет» звучит несколько двусмысленно. – То есть, конечно, и доброго утра тоже...

– Тронут, – иронически произнес Гуров. – Доброе слово и кошке приятно... Теперь переходи к неприятному. Голову даю на отсечение, что у тебя плохие новости. Да не тяни!

Лейтенант пожал плечами и, посмотрев на Гурова с некоторым сомнением, сказал:

– Может, я чего не так делаю... Короче, товарищ полковник, я так понял, это дело об убийстве теперь ваше. Поэтому я и пришел. Вы вроде вчера беспокоились насчет обыска, а следовательно не хотел пока квартиру трогать...

– Слушай, ты меня достал! – с досадой произнес Гуров. – Ясно излагать мысли можешь? Что ты все ходишь вокруг да около? Не разбегайся, прыгай!

– Слушаюсь, товарищ полковник! – серьезно ответил парень и окрепшим голосом доложил: – Меня же оставили за квартирой наблюдать. Я там безотлучно находился еще часа полтора, как вы уехали. Точнее, час и шестнадцать минут. За это время ничего подозрительного не произошло. А потом опять приехал следователь, а с ним еще один мужчина, мне не знакомый. Они распечатали квартиру и вошли туда. Вернее, заходил один этот мужчина, а следователь со мной остался на лестничной площадке. Потом мужчина вышел – он недолго там пробыл, – поблагодарил и отбыл в неизвестном направлении. А следователь квартиру опять опечатал и сказал, что надобность в дежурстве отпала. Он меня еще до МУРа подбросил, и там мы расстались. Но я так понял, что вас никто об этом в известность не поставил, поэтому решил немедленно доложить. Все-таки оперативно-розыскные мероприятия вам проводить...

Гуров довольно долго молча смотрел на молодого лейтенанта, так что тот даже начал беспокоиться.

– Я что-то не так сделал, товарищ полковник? – дрогнувшим голосом сказал он.

– Что? Нет, Чистяков, ты – молодец! – проговорил Гуров, словно очнувшись от крепкого сна. – Нет, ты все сделал правильно. Это я, старый лопух... Шестой десяток разменял, а ума не нажил!.. Значит, говоришь, Выприцких на место преступления вернулся?

– Так точно, вернулся лично, – подтвердил лейтенант.

– Ну, а как он сам это возвращение объяснял? – поинтересовался Гуров. – Или он не счител нужным перед тобой объясняться?

– Особо он, конечно, не распространялся, – сказал Чистяков. – Но пока мы на лестнице стояли, он сказал, что вроде начальство уже в курсе и вопрос с квартирой решен. Никто, мол, ключей у Скока не забирал – он сам их забыл у своего родственника, и вот теперь этот родственник приехал проверить, не пропало ли чего из квартиры...

– Родственник? – удивился Гуров. – А фамилия этого родственника?

– Фамилий он не называл, – виновато сказал Чистяков. – А я спросить, честно говоря, не решился. Ведь сами понимаете, Выприцких – старший следователь прокуратуры, а я кто? Лейтенант, и даже не старший!

– Это все понятно! – махнул рукой Гуров. – А тебе не показалось все это странным?

– Вообще-то показалось, – вздохнул Чистяков. – Вроде, пока следствие не закончено, посторонних допускать как бы не стоило... Могут ведь намеренно уничтожить какие-то вещественные доказательства, верно? Это же не факт, что родственники не имеют отношения к преступлению?

– Не факт, – кивнул Гуров. – Если это вообще родственники. Вот даже ты, лейтенант, это понимаешь, хоть и не старший... А работник прокуратуры, выходит, не понимает? Действительно, странная ситуация!

– Может, и правда, сверху какое-то распоряжение было? – озабоченно спросил Чистяков.

– Да это уж наверняка! – саркастически воскликнул Гуров. – В этом-то я как разнисколько не сомневаюсь. Не от широты же душевной Выприцких родственников на экскурсии водит. По опечатанным квартирам... Сам без бумажки с печатью стесняется, а людям не мешает.

– Так что же делать, товарищ полковник? – озадаченно спросил Чистяков.

Гуров задумчиво посмотрел на него и проговорил, словно размышляя вслух:

– Похоже, карты основательно перемешали, лейтенант! Поэтому следует хорошенько подумать, во что мы играем и какие козыри...

– Я не совсем понял... – робко сказал Чистяков.

– Это ничего, – успокоил его Гуров. – Тебя это пока не касается. Думать будут те, кому по должности положено. А ты пока отдыхай!

– Так, может, какие распоряжения будут? – спросил Чистяков.

– Слышал заповедь – на службу не напрашивайся? – улыбнулся Гуров. – Или энтузиазм еще весь не вышел?

– Еще не весь, – без тени улыбки сказал Чистяков. – И потом, я так много слышал о вас, товарищ полковник... Вы для меня, можно сказать, образец оперативника, и вообще... Если бы было можно, я под вашим руководством даже в нерабочее время...

– Ну, эдак мы сейчас черт знает до чего договоримся! – сердито перебил его Гуров. – «Образец, «много слышал»!.. Ты еще автограф у меня попроси!

Чистяков выглядел смущенным, и Гуров решил, что зря набросился на парня.

– Ладно, не бери в голову! – сказал он уже другим тоном. – Просто у товарища полковника неважное настроение. Ты к этому не имеешь никакого отношения. Ну, ничего, мы еще поборемся! Может быть, и под нашим чутким руководством, – он подмигнул Чистякову. – Если понадобится, я тебя разыщу. А за информацию спасибо. Вовремя заглянул.

Когда лейтенант, окрыленный похвалой прославленного сыщика, ушел, Гуров попытался еще раз связаться с прокуратурой. Однако на этот раз ему не удалось поговорить с Выприцких. Гурову неизменно отвечали, что Выприцких только что вышел, а может быть, даже и выехал – вот только никто не мог внятно объяснить куда. Наконец кто-то догадался сообщить Гурову, что следователь ушел в отпуск. Тревожить прокурорское начальство Гурову пока не хотелось, и он решил временно плюнуть на это дело.

Имело смысл лично нагрязнуть в прокуратуру, чтобы уж наверняка припереть Выприцких к стенке и если не получить исчерпывающего ответа о причинах его странного поведения, то, по крайней мере, вытрясти из него хоть какую-то информацию. Вокруг этого следствия, едва начинавшего набирать обороты, затевалась какая-то неприятная возня, предполагающая самые различные неожиданности, а Гурову совсем не хотелось играть в нем роль болванчика.

Однако выполнить свое намерение он не успел, потому что неожиданно вернулся Крячко, веселый и сияющий. Он с размаху уселся на свое место, с шумом бросил на стол пачку сигарет и с наслаждением закурил, поглядывая на Гурова хитрым глазом.

– Давай колись! – хмуро сказал ему Гуров. – Ты что такой довольный, будто путевку в Сочи выиграл? Или Скок тебе лимузин свой завещал?

– Ни то и ни другое! – загадочно ответил Крячко, как дракон выпуская табачный дым через ноздри. – Но кое-что о лимузине я теперь разузнал. Ты мне не поверишь!

– Если соврешь, конечно, не поверю, – строго подтвердил Гуров. – Так что давай чистую правду!

– А как его превосходительство? – с твердокаменным простодушием вдруг спросил Крячко. – Они уже прибыли из дворца?

– Кончай трепаться, Стас! – с тихой ненавистью сказал Гуров. – Петр еще не появлялся, а я зол, как цепной пес, у которого хотят отобрать любимую кость. Поэтому не советую со мной сейчас шутить – могу порвать штанину, а то и еще чего посерьезнее!

– Все-таки Мария действует на тебя облагораживающе, – одобрительно заметил Крячко. – Ты стал разговаривать, как поэт. Раньше ты просто бы отделался простым русским словом, а теперь твои сравнения полны красок и жизненной силы.

– Еще одна твоя шуточка, и дело дойдет до простого русского слова, – пообещал Гуров. – Даже до нескольких. Больше предупреждать не стану.

– А я больше не стану испытывать судьбу, – ухмыльнулся Крячко. – Думаешь, приятно шутить с тем, кто абсолютно не понимает шуток?.. Ну, все-все! Слушай же внимательно: у господина Скока действительно имелся автомобиль – «Форд» прошлогодней модели, зеленый, как огурец. Но за пару дней до своей смерти – будь внимателен – Скок попал на нем в аварию. Это произошло рано утром при выезде на развязку Кольцевой дороги – отказали тормоза. Скоку повезло – движение в этот час было еще не таким интенсивным и ехал он с небольшой скоростью. Короче, ему удалось вырваться в кусты на обочине, слегка задев какую-то постороннюю «девятку» – буквально чиркнул ее по левому крылу... Поэтому он отделался легким испугом и парой синяков.

– Вот так попали, на ровном месте и мордой об асфальт! – пораженно вымолвил Гуров. – Так ты хочешь сказать, что Скок должен был погибнуть еще три дня назад?

– Ну, я не утверждаю этого с полной уверенностью, – сказал Крячко. – Но подобные совпадения наводят на размышления, верно? Во всяком случае, в одинокого грабителя мне совсем уже не верится.

– Мне тоже, – согласился Гуров. – Однако откуда у тебя эта информация?

– Мне удалось поговорить по душам со знакомыми ребятами-гаишниками. И они даже вывели меня на сержанта из дорожно-патрульной службы, который дежурил в то утро на развязке, где произошла авария. Только прошу учесть, информация эта сугубо неофициальная. В суде ее использовать не удастся.

– Понятно, – заметил Гуров. – Протокола данного происшествия не существует в природе?

– Вот именно, – важно кивнул Крячко. – Сержант под большим секретом, как своему в доску парню, намекнул мне, что вопрос со Скоком и владельцем «девятки» они решили полюбовно, то есть за деньги. Скок раскошелился, не торгуясь. Сержант говорит, он был в шоке и все время шутил, пока расплачивался. Денег у него в бумажнике, между прочим, было хоть отбавляй...

– Наверное, зарплату ему Кандинский выдавал без задержки, – сказал Гуров. – Ну, а что же было дальше?

– Дальше машину пришлось отправить в ремонт, – сказал Крячко. – Скок вызывал какую-то частную ремонтную фирму. Они прислали машину и отволокли помятый «Форд» в мастерскую. Наш сержант был этому свидетелем. Скорее всего, машина до сих пор в ремонте.

– Твой бравый сержант случайно не запомнил название ремонтной фирмы? – поинтересовался Гуров.

– Вот! Этого вопроса я ждал, Холмс! – торжествующе заявил Крячко. – Могу тебя обрадовать – фирма называется «Трек-Супер», и ее мастерская располагается в Свиблово, где-то неподалеку от Ботанического сада. Далековато, но, видимо, у Скока были свои резоны обращаться именно в эту фирму... Я решил туда без тебя не мотаться, сначала обсудить... Ну, так какие будут приказания, шеф?

Гуров задумчиво потер виски. Ему не хотелось строить планы до тех пор, пока генерал не вернется из министерства. В частности, все меньше ему хотелось вступать в разборку со следователем. Вряд ли это могло привести к чему-то хорошему. Сначала стоило бы узнать точку зрения начальства. А вот побеседовать с мастером, который ремонтировал автомобиль Скока, было бы любопытно. Похоже, в последние дни смерть ходила у Скока за плечами. Нужно было только слегка подтолкнуть его в нужном направлении. Кто-то сделал такую попытку – Гуров был в этом почти уверен. А когда она не удалась, пошел ва-банк.

– Ладно, мы едем, – объявил он Крячко. – Пока начальство занимается тонкой дипломатией, мы с тобой покопаемся в мусоре.

Уже в машине Гуров поделился с Крячко своими сомнениями.

– Зарекалась ворона дерьмо клевать, – сказал он. – Дерьма в этом деле, похоже, больше чем достаточно. Может быть, тебя это удивит, но следователь Выприцких сегодня сдает дела и срочно отбывает в отпуск. Помнишь, вчера он что-то толковал про билеты в какие-то теплые края?

Крячко присвистнул.

– Ну что ж, если ты хотел меня удивить, то у тебя получилось, – сказал он со смешком. – Может, в прокуратуру перейти? Проблем с отпусками не будет...

– Насчет тебя не знаю, – сказал Гуров. – А у Выприцких без проблем. Теперь дело ведет какой-то Миронов. Не удивлюсь, если он является большим поклонником депутата Кандинского. Но это еще цветочки. Как ты догадываешься, обыск квартиры Скока откладывается...

– Да, мне это сразу пришло в голову, – кивнул Крячко.

– А тебе не пришло в голову, что в квартире у Скока сегодня уже побывали? – спросил Гуров. – С утра пораньше некий мужчина прибыл туда в сопровождении Выприцких, открыл дверь своим ключом и в одиночку проник внутрь. Лейтенанту Чистякову, который оставался там на посту, Выприцких объяснил все очень просто – мол, родственник Скока решил посмотреть, не стибрили ли чего. Как это тебе нравится?

– Прихотливый поворот сюжета, – хохотнул Крячко. – Меня лично цепляет уверенность этого неизвестного родственника, который без всяких сомнений и без поддержки проникает в квартиру, хозяина которой убили прямо у порога пару часов назад. Для этого нужны или железные нервы, или точная информация, что в квартире не будет никаких сюрпризов. И потом, откуда у него ключи?

– Ну, тут ты немного преувеличиваешь, – заметил Гуров. – Но совсем немного. Действительно, все выглядит так, будто кое-кто прекрасно осведомлен о подоплеке этого убийства и даже старается внести некоторые коррективы в общую картину. Нам с тобой нужно держать ухо востро, если мы не хотим остаться в дураках.

– Ничего не будет удивительного, если эту роль нам отвели с самого начала, – сказал Крячко. – В надежде, что мы разыграем ее с блеском. Подожди, скоро встречи с тобой будут искать вездесущие папарацци, и они будут ловить каждое слово полковника Гурова, сыщика

с безупречной репутацией, как откровение. А кто-то будет потирать руки, когда у тебя этих слов не найдется...

– Ну, одна фраза всегда под рукой, – невесело усмехнулся Гуров. – В интересах следствия информация не подлежит разглашению...

– Могу подбросить еще одну – покороче, – предложил Крячко. – Без комментариев! Я часто слышу, как ее произносят в американских фильмах. Получается очень убедительно.

– Вот я и боюсь, что сверху от нас ждут именно такой убедительности, – покачал головой Гуров. – Во всяком случае, пока у меня такое впечатление. И я задаю себе вопрос – почему? Кто такой этот Скок? Какие функции он выполнял у Кандинского? Кому нужна его смерть?

– Ну, когда речь заходит о политике, – заметил Крячко, – то хорошего ждать не приходится. Наверное, этот парень слишком много знал. Или не пошел кому-то навстречу. Отказался что-нибудь лоббировать – теперь это модное слово.

– Меня несколько смущает одно обстоятельство, – сказал Гуров. – Не очень-то похож этот Скок на преуспевающего политика.

– Был, – вставил Крячко. – Был похож. Или не похож.

– Не придирайся к словам. Именно что не похож. Ну, смотри, жил в типовом доме, далеко не в престижном районе, имя его никому не известно, Кандинский первым делом поспешил откреститься от такого помощника... Но, с другой стороны, денежки у него явно водились. Автомобиль приличный. Возможно, если бы мы сподобились заглянуть в его квартиру, то интерьер нас приятно удивил бы, но это, правда, только догадки. Если бы я с самого начала не знал ничего про Скока, я бы предположил, что это средней руки делец, возможно, не слишком чистый на эту самую руку.

– По-моему, он таковым и являлся, – сказал Крячко. – Именно делец. Именно не слишком чистый. Иначе кто бы его тронул?

– Ну, тут ты не прав! Чистым-то как раз приходится особенно туго. Возможно, конечно, что этот особенно зарвался. Дорого бы я дал, чтобы выяснить, чем Скок занимался у Кандинского!

– Да, это вопрос! – глубокомысленно заметил Крячко. – Почему-то не верится, что Кандинский нам об этом охотно расскажет. Нужно найти человека из его окружения, у которого хорошо подвешен язык.

– Конечно! – мрачно отозвался Гуров. – Это было бы очень удобно. Только сдается мне, что последним таким человеком в окружении Кандинского был именно Скок. Хорошо подвешенный язык – это как раз тот орган, который дает смертельные осложнения.

– Есть еще один вариант, – сказал Крячко. – Политиками обычно здорово интересуются журналисты. Кто-то из них наверняка должен знать подноготную этого Скока. Мой тебе совет: когда папарацци будут искать с тобой встречи – не избегай, а используй их как источник информации.

– Хорошо, так я и сделаю, – кивнул Гуров. – А потом мы вместе с тобой на основе этой информации выпустим газету. А газета пойдет по известному назначению... Что толку от такой информации?

– Не скажи, – возразил Крячко. – Мы с тобой в политике профаны. А так хоть будем знать, кто чем дышит. Кто водил дружбу со Скоком, а кто его терпеть не мог. Журналисты всегда знают такие вещи.

– Наверное, ты прав, – согласился Гуров. – Просто я слегка сегодня нервничаю.

– Последнее время ты плохо выглядишь, – кивнул Крячко. – Может быть, тебе пора подумать об отпуске? Я на твоём месте посоветовался бы с Выприцких – махнули бы куда-нибудь на пару!

– Боюсь молодую жену одну оставлять, – усмехнулся Гуров. – А вот посоветоваться с Выприцких все-таки, наверное, придется. Очень мне интересно, почему это он сегодня так расхрабрился, что квартиру Скока распечатал.

– Надеешься его увидеть? – скептически спросил Крячко. – По-моему, он теперь от тебя будет бегать как черт от ладана.

– Заскочу вечером к нему в гости, – категорически заявил Гуров. – Адресок у ребят разужнаю и обязательно заскочу. Пусть он мне в глаза скажет, что за родственников он водит по опечатанным квартирам!

– А если тебе не понравится его ответ? – поинтересовался Крячко.

Гуров пожал плечами.

– Задам тот же вопрос его сменщику, – сказал он. – И, вообще, были бы вопросы, а кому их задать, мы всегда найдем, верно?

Глава 5

Через полчаса им представился случай задать несколько вопросов. Мастерскую фирмы «Трек-Супер» они нашли без труда – фасад кирпичного ангара с яркой вывеской над воротами выходил прямо на панораму реки Яузы. На площадке возле ангара стояло несколько легковых машин – большинство иномарки. Видимо, бизнес здесь процветал.

Гуров поставил «Пежо» в дальнем конце площадки, и они с Крячко неспешно направились к воротам мастерской, из которых доносилось уютное рычание автомобильных моторов, лязг металла и шипение сварки.

На них не обращали внимания – здесь все были заняты важным мужским делом: возвращали жизнь покореженным автомобилям. Гуров и Крячко мимоходом заглянули в каждый бокс и наконец, кажется, нашли, что искали, – темно-зеленый «Форд» со следами столкновения на капоте. Правда, темно-зеленым он оставался теперь не более чем наполовину – повреждения и вмятины были уже выправлены, и коротко стриженный молодой человек в спецовке грунтовал корпус специальным составом, а кое-где даже уже попробовал новый цвет. Он тоже был зеленым, но более изысканным, отдающим изумрудным блеском.

Гуров и Крячко некоторое время постояли у молодого человека над душой, внимательно глядя, как он работает. Такая навязчивость мастеру не понравилась – он отложил инструменты, вытер руки и пристально посмотрел на оперативников. Лицо у него было угрюмое и неприветливое.

– Здравствуйте, – сказал Гуров.

Парень коротко кивнул. Его взгляд недоверчиво перебежал с одного оперативника на другого.

– У вас ко мне дело? – сухо спросил он.

– В общем, да, – ответил Гуров. – Этот «Форд», которым вы занимаетесь, принадлежит Юрию Леонидовичу Скоку?

– Чего? Какому коку? Ничего я не знаю. А в чем дело? – почти грубо сказал мастер.

– Я тебе на ногу наступил, что ли? – укоризненно произнес Гуров. – По-моему, вопрос был задан предельно ясно – чья это машина?

Парень прищурил глаза и, отворачиваясь, процедил сквозь зубы:

– Вам-то что за забота? Чья машина!.. Откуда я знаю, чья она? Мне велели сделать, меня больше ничего не касается, понятно?

– Понятно, – кивнул Гуров. – Тогда другой вопрос. Кого тут что-нибудь касается? Я имею в виду, с кем тут можно нормально поговорить? Или у вас тут все такие тормозные?

– Чего? – враждебно сказал парень. – А пошел ты...

– Ты сегодня плохо позавтракал? – заботливо спросил Крячко. – Или с женой проблемы? Могу дать адресок одного целителя – все половые проблемы как рукой снимает! То есть побываешь у него, и уже совершенно ничего не хочется, и даже на людей перестаешь кидаться. Согласен?

– Вы чего ко мне цепляетесь? – почти истерически выкрикнул парень. – Пошли вы знаете куда? Делать вам нечего! А мне работать надо! Все!

– Что за базар? – вдруг раздался у Гурова за спиной уверенный голос с повелительными интонациями. – Ты чего нервничаешь, Борис? Случилось чего? У вас претензии, господа?

Оперативники обернулись. Рядом стоял крупный, аккуратно постриженный мужчина в двубортном темном костюме. В руке он держал сотовый телефон. На мясистой левой щеке белел старый шрам.

– У нас не претензии, а вопросы, – миролюбиво ответил Гуров. – Вот ищем, кто в этом заведении способен связать два слова. Первая попытка закончилась неудачей. Может быть, с вами нам повезет?

– Все может быть, – сдержанно ответил мужчина с телефоном, испытующе разглядывая оперативников.

– Насколько я понимаю, вы тут начальник? – полуутверждающе сказал Гуров.

– Да, я заправляю этим хозяйством, – ответил мужчина. – Бобров Анатолий Дмитриевич, к вашим, так сказать, услугам. А вы кто такие будете?

– А мы будем менты, – спокойно сказал Гуров, доставая из кармана удостоверение.

Бобров мельком заглянул в красную книжечку, подобрался и вполне официальным тоном произнес:

– Понятно. Тогда, может быть, пройдем ко мне в конуру? Хотелось бы назвать ее офисом, да язык не поворачивается. Так, угол, чтобы стол поставить... Но там все-таки будет спокойнее.

Гуров кивнул, и хозяин провел их обоих в дальний конец ангара, где в тесной комнатухе стоял письменный стол, небольшой сейф, а на широком подоконнике – заляпанный какими-то грязными пятнами компьютер. Стульев здесь было всего два.

– Вы присаживайтесь, господа милиционеры! – с преувеличенной вежливостью предложил Бобров. – А я, с вашего разрешения, вот тут на столе примощусь... Так какие у вас проблемы?.. Мы вроде с органами живем дружно – закон чтим, налоги платим... – Он старался говорить небрежно, с шутливой интонацией, но в его серых глазах застыло беспокойство.

– Эта мастерская принадлежит лично вам? – поинтересовался Гуров.

– Ну-у... – замялся Бобров. – В каком-то смысле это действительно так. Но вообще-то главный хозяин – Черепанов Виталий Константинович. Он не здесь находится, он вообще-то в центре базируется. Вот у него там настоящий офис. Хотите встретиться с ним?

– Не думаю, – ответил Гуров. – Мне кажется, что вы тот человек, который нам нужен. Ведь вы, наверное, в курсе всех дел, которые происходят в мастерской?

– В принципе, конечно, в курсе, – осторожно сказал Бобров. – Ну, может, пацаны чего-нибудь отмочат – по личной инициативе, как говорится. За всем ведь не уследишь. Только вроде ничего такого я последнее время не замечал. У нас вроде все спокойно, – заключил он. Однако, наперекор словам, голос его звучал все тревожнее.

– Да вы не волнуйтесь, – проговорил Гуров успокаивающе. – Мы ведь ни на чем вас и не собираемся ловить. Вряд ли мы вообще к вам пришли бы, но у вас тут должна находиться одна машина, которая нас очень интересует. У нас есть основания полагать, что с хозяином этой машины вы знакомы лично...

– Кто такой? – поспешно спросил Бобров, настораживаясь. – То есть я хочу сказать, что это ведь совсем не обязательно, чтобы я был знаком, правда? У нас тут каждый день приводят по десятку тачек – сколько народу в Москве бьется – ужас! А еще плюс нормальные неполадки в моторе. Народ машину покупает, а что у нее внутри, понимает мало. Тоже к нам, значит. Так разве каждого упомянешь?

– Да мы про каждого спрашивать и не будем, – успокоил его Крячко, весело улыбаясь. – Нас всего-то один интересует. Дня три назад рано утром его «Форд» сюда приволокли – на вашем же фирменном грузовике, между прочим. Вы же не за каждым на своей технике выезжаете?

– Не за каждым, – подтвердил Бобров. – А только если кто обращается и у нас транспорт свободен... Три дня назад, говорите? «Форд»? – Он старательно наморщил лоб, будто пытаясь вспомнить. – И я вроде должен знать владельца, да?

Гурова эта игра совершенно не убедила.

– В двух соснах заблудились? – насмешливо спросил он. – Между прочим, около этого «Форда» мы только что стояли. И владелец его не случайный прохожий, а помощник извест-

ного депутата Кандинского. Скок его фамилия. Юрий Леонидович Скок. После аварии он первым делом позвонил в вашу контору, и ему мигом прислали грузовик. Теперь ваша память прояснилась?

– Ах, вон вы про что! – с ноткой озабоченности в голосе воскликнул Бобров. – Ну, в принципе, все правильно. Ставил Скок к нам машину, было дело. Точно не помню, что у него там было...

– Ну да, понимаю, народу бьется ужас сколько, всех не упомнишь... – перебил его Гуров. – Но я пока не о том. Конкретно – вы знакомы со Скоком?

Бобров подозрительно посмотрел на Гурова, потом на Крячко, озабоченно почесал щеку со шрамом и сказал:

– Ну, допустим, знаю я Скока. И что же из этого? Если за ним какие-то дела – я-то здесь при чем? Ну, обращался он к нам по автомобильным делам. Он ведь в моторах – лох полный, чайник! Вентилятора от карбюратора не отличает!

– Ну вот видите, как вы его хорошо, оказывается, знаете! – обрадовался Крячко. – А насчет каких-то нехороших дел, на которые вы намекаете и которыми якобы Скок занимался, мы про них ничего не знаем. Но если вы нам расскажете, мы с удовольствием послушаем!

Бобров заметно растерялся.

– Э! Какие дела? Ни про какие дела я не говорил! – запротестовал он. – Я просто в смысле – раз милиция интересуется, значит, неспроста, верно? А ни про какие его дела я ничего не знаю! Клянусь!

– Да не надо клясть, – с неудовольствием сказал Гуров. – Просто говорите правду. Мы же вас не заставляем какие-то интимные секреты раскрывать. А на то, что вы принимаете автомобили, попавшие в дорожно-транспортное происшествие, и не сообщаете об этом в ГАИ, мы закроем глаза...

– Как не сообщаем в ГАИ? – переполошился Бобров. – Вот это уж вы напрасно! Строго сообщаем! А если вы имеете в виду машину Скока, так я сам к нему выезжал на то место, где он в кювет сковырнулся. Это ж все на глазах у гаишника было! А если он, гаишник, со Скоком договорился, я-то чего лезть буду? Это, типа, я вашего сотрудника должен был, выходит, подставить?

– Ну и подставил бы, – жестко сказал Гуров. – Не жалко. Тоже мне, сотрудник! Ну да бог с ним! Я просто хочу намекнуть, что не все так уж спокойно на вашем горизонте. Если мы с вами сейчас не найдем общего языка...

– Так это понятно! – убежденно заявил Бобров. – При желании и к телеграфному столбу можно придрататься. Только я с вами как на духу, не сомневайтесь! Мне ведь скрывать нечего. У меня тут все вась-вась, а чужие грехи мне ни к чему. Со своими вы сами разбирайтесь – мне как-то не с руки. А насчет Скока – пожалуйста, что знаю, скажу. А чего не знаю...

– Вот и чудесно! – одобрительно сказал Гуров. – Для начала нас интересует, что, собственно, случилось с машиной Скока? А то все – попал в аварию, попал в аварию! А что за авария-то конкретно?

– Ну, так, это... – замаялся Бобров. – Стукнулся он. Капот помял, краска в некоторых местах слезла... Я точно не знаю – я ведь под машины не лажу. Так, иногда только... И то под свою.

– А кто знает? – спросил Гуров. – Кто-то ведь под нее лазил?

– Ну, это... Кто же у нас ей занимался? – Бобров опять принялся старательно морщить лоб.

– Может, Борис? – подсказал Крячко. – Ну тот самый, кто сейчас грунтовкой занят?

– А-а, нет, не он, – покачал головой Бобров. – Он у нас только отделочные. А это, кажется, Семин «Фордом» занимался. Только его сегодня нет, он в отгуле... – В глазах у него на мгновение мелькнуло плутоватое выражение.

Гуров подошел к нему вплотную – он был почти на голову выше хозяина мастерской – и сказал негромким, но очень внушительным голосом:

– Сказку про белого бычка мне читаешь? Я с тобой по-хорошему, а ты опять за свое? Я ведь не поленюсь сегодня же прислать к тебе роту экспертов – пусть проверят, что у тебя тут за хозяйство! Говорят, бизнесу это очень помогает...

Гуров, разумеется, блефовал – у него не было ни малейшего желания совать свой нос в коммерческие тайны автомастерской, – но Боброву нарисованная им перспектива показалась совсем не шуточной.

– Да нет, ну чего, в самом деле? – пробормотал он. – Я сейчас посмотрю – может, здесь Семин? Вроде говорили, что он в отгуле...

– При чем тут твой Семин? – сердито спросил Гуров. – Если ты сам ездил на место аварии, ты точно должен знать, что случилось с машиной! И кончай крутить, пока я не разозлился по-настоящему!

– Ну так что – что ездил? – обиженно проговорил Бобров. – А может, Скок мне по аварии ничего толком не рассказал? Может, у него свои причины? Почему бы вам его самого не спросить, чего у него там случилось?

Гуров с Крячко переглянулись, а потом Гуров, глядя прямо в глаза хозяину автомастерской, сообщил:

– А спросить его самого мы не можем по той простой причине, что гражданин Скок прошлой ночью был убит. Теперь ясно, что мы сюда не ваньку валять приехали?

– Оба-на! – с видом крайнего ошеломления выдохнул Бобров. Его глаза сделались круглыми и беспомощными, как у ребенка.

Такую непосредственную реакцию вряд ли можно было сыграть. Тем более что до сих пор Гуров не обнаруживал у Боброва артистических данных. В тех моментах, когда требовалось соврать, он не выглядел убедительным. Да Гуров, по правде сказать, и не предполагал, что этот человек имеет отношение к смерти Скока. Ему было важно ошеломить Боброва и в то же время отчасти успокоить того – ведь теперь Боброву не имело смысла хранить маленькие секреты своего знакомого.

– Так, выходит, Юрий Леонидович помер, что ли? – робко спросил Бобров, обретая дар речи.

– Удивительно меткое замечание! – встрял Крячко. – Его убили, и он помер – кто бы мог подумать!

– Да нет, я в том смысле, что вот ведь три дня назад я его видел... – пробормотал вконец запутавшийся Бобров. – Разговаривали... Так, значит, помер? Надо же! От судьбы, как говорится, не уйдешь! То-то, значит... – точно что-то вспомнив, он внезапно запнулся, с тревогой глядя на Гурова.

– Ну, смелее! – подбодрил его тот. – Здесь неглубоко, прыгай!

– А ведь тогда Юрий Леонидович не случайно тачку свою чпокнул! – вдруг серьезно заявил Бобров.

– Что имеется в виду? – деловито спросил Крячко, подвигаясь поближе.

– Ему кто-то тормоза испортил, – понизив голос, сказал Бобров. – Теперь-то я в этом на сто процентов уверен! А сразу не поверил. Он мне сказал, что на повороте у него вдруг тормоза отказали, просил посмотреть... Последствий не было, вот он тоже не придал значения. Машину оставил, а сам уехал – дела у него были срочные... А больше я его уже не видел. И не позвонил он мне. А у нас с ребятами сомнения были все-таки...

– Что за сомнения? С какими ребятами? – спросил Гуров.

– Ну, насчет машины, – объяснил Бобров. – Насчет тормозов. Ребята, которые тачку смотрели, говорят мне: Дмитрич, мол, кто-то тормоза нарочно испортил! А я тоже не придал значения. Да и закрутился... А оно вон как получилось! Опять в аварию попал?

– Не угадал, – сказал Гуров. – Все по-другому было. Только вряд ли это его утешило. Но давай сначала закончим с тормозами. Где эти ребята, которые в них так хорошо разбираются? Зовите их сюда!

– Понял! – послушно сказал Бобров и, быстро набрав на клавиатуре мобильного телефона нужную комбинацию цифр, прокричал в трубку: – Семин? Дуй ко мне срочно! Дело важное, понял? Ждать не могу!

Семин появился так быстро, что Гуров даже не успел напомнить Боброву, что этот механик сегодня, согласно легенде, находится в отгуле. Было Семину около сорока лет, он выглядел крепким, себе на уме мужиком, с упрямым прищуром вьедливых глаз и резкими скулами. На незнакомых ему людей он посмотрел с предубеждением, как будто был уверен, что ничего хорошего ждать от них не следует.

Бобров растерянно развел руками и почти извиняющимся тоном сказал своему работнику:

– Слышь, Петрович! Вот мы тут как раз о том, о чем ты мне говорил, – насчет «Форда», значит... Ну чего ты не понял? Юрия Леонидовича машина! И не смотри на меня, как Ленин на буржуазию! Люди вот интересуются... Между прочим, очень серьезные люди... Так что бросай прикидываться – чего ты мне там про тормоза говорил?

Семин выслушал с абсолютным хладнокровием, не моргнув глазом, а потом искоса изучающе уставился на Гурова.

– Что за люди? – с большим достоинством спросил он.

– Хорошие люди, – внушительно сказал Гуров. – Из Главного управления внутренних дел. Оперуполномоченные по особо важным делам – полковник Гуров и полковник Крячко. Или тебе меньше генерала не подавай?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.